

Научная статья
УДК 343.3/.7

Уголовно-правовое противодействие сексуальной эксплуатации несовершеннолетних родителями и лицами, обязанными обеспечивать их безопасность

Николай Михайлович Паршин, кандидат юридических наук

Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Красногорск (Московская область, 143402, ул. Речная, д. 8, корп. 1), Российская Федерация
n.m.parshin@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6933-9326>

Аннотация:

Введение. Актуальность темы обусловлена необходимостью переосмысления конструкции ст. 240 «Вовлечение в занятие проституцией», ст. 241 «Организация занятия проституцией» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Их действующая редакция содержит системный пробел: она не предусматривает дифференциации ответственности в зависимости от специального статуса субъекта преступления. Это ставит в одинаковое положение действия сутенера и родителя или опекуна, вовлекших и эксплуатирующих собственного ребенка в сексуальных целях, что вступает в противоречие с логикой построения уголовного закона, историческим опытом отечественного права, статистикой тяжких преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы детей и международными обязательствами Российской Федерации. Анализируются имеющиеся в международном праве и зарубежной практике подходы к криминализации деяний, связанных с сексуальной эксплуатацией детей, совершенных родителями, опекунами и иными лицами, обязанными обеспечивать их безопасность. **Методы.** Для решения поставленных задач в работе применяется комплекс научных методов в соответствии с характером исследуемой проблемы. В работе были задействованы методы: историко-правовой – для реконструкции генезиса ответственности специальных субъектов; формально-юридический – для догматической критики конструкции ст. 240–241 УК РФ; сравнительно-правовой – для выявления эффективных зарубежных законодательных моделей; анализ международных актов – для верификации соответствия национальных норм международным стандартам; анализ судебной практики – для подтверждения теоретических положений материалами уголовных дел. **Результаты** носят теоретико-прикладной характер. Автором выявлены исторический прецедент уголовной ответственности родителей и опекунов в дореволюционном праве и его утрата в советском праве; констатировано наличие внутреннего системного противоречия между ст. 240–241 УК РФ и смежными составами преступлений против несовершеннолетних (ст. 127¹, 150, 151 УК РФ); подтверждена эмпирическими данными и судебной практикой высокая степень общественной опасности деяний специальных субъектов; установлено несоответствие отечественных норм императивам международного права; предложена оригинальная редакция рассматриваемого отягчающего обстоятельства для его дополнения в ст. 240–241 УК РФ.

Ключевые слова:

детская проституция, сексуальная эксплуатация, вовлечение в занятие проституцией, организация занятия проституцией, ребенок, родители, опекуны, конвенции, сравнительное уголовное право

Для цитирования:

Паршин Н. М. Уголовно-правовое противодействие сексуальной эксплуатации несовершеннолетних родителями и лицами, обязанными обеспечивать их безопасность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (110). С. 136–150.

Статья поступила в редакцию 10.02.2026;
одобрена после рецензирования 31.03.2026;
принята к публикации 25.06.2026.

Original article

Criminal law counteraction to the sexual exploitation of minors by parents and individuals responsible for their safety

Nikolai M. Parshin, Cand. Sci. (Jurid)

Moscow Regional Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
8, build. 1, Rechnaya str., Krasnogorsk, Moscow Region, 143402, Russian Federation
n.m.parshin@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6933-9326>

Abstract:

Introduction. The relevance of the topic is determined by the need to reconsider the provisions of Article 240 "Involvement in Prostitution" and Article 241 "Organisation of Prostitution" of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter – CC RF). The current version contains a systemic gap: it does not provide for the differentiation of responsibility depending on the special status of the perpetrator of the crime. This places the actions of a pimp and a parent or guardian, who involve and exploit their own child for sexual purposes, on the same level, which contradicts the logic of criminal law, the historical experience of domestic law, statistics on serious crimes against the sexual inviolability and freedom of children, as well as the international obligations of the Russian Federation. The existing approaches in international law and foreign practice regarding the criminalisation of acts related to the sexual exploitation of children committed by parents, guardians, and other individuals responsible for their safety are analysed. **Methods.** To address the tasks set, a range of scientific methods has been employed in accordance with the nature of the problem under investigation. The methods utilised include: historical-legal – for reconstructing the genesis of the responsibility of special subjects; formal-legal – for doctrinal criticism of the provisions of Articles 240–241 CC RF; comparative-legal – for identifying effective foreign legislative models; analysis of international acts – to verify the compliance of national norms with international standards; and analysis of judicial practice – to substantiate theoretical propositions with materials from criminal cases. **The results** are both theoretical and applied in nature. The author has identified a historical precedent for the criminal responsibility of parents and guardians in pre-revolutionary law and its loss in Soviet law; confirmed the existence of an internal systemic contradiction between Articles 240–241 CC RF and related offences against minors (Articles 127¹, 150, 151 CC RF); established, through empirical data and judicial practice, a high degree of social danger posed by the actions of special subjects; and demonstrated the inconsistency of domestic norms with the imperatives of international law. An original amendment to the aggravating circumstance under consideration has been proposed for inclusion in Articles 240–241 CC RF.

Keywords:

child prostitution, sexual exploitation, involvement in prostitution, organisation of prostitution, child, parents, guardians, conventions, comparative criminal law

For citation:

Parshin N. M. Criminal law counteraction to the sexual exploitation of minors by parents and individuals responsible for their safety // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 2 (110). P. 136–150.

The article was submitted February 10, 2026; approved after reviewing March 31, 2026; accepted for publication June 25, 2026.

Введение

Современная уголовно-правовая политика в сфере защиты несовершеннолетних от криминальных посягательств актуализирует необходимость пересмотра традиционных подходов к конструированию составов преступлений, когда потерпевший находится в отношениях зависимости или особого доверия с виновным. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, провозглашающей защиту детства как национальный приоритет, говорится о том, что повышение ее эффективности является одной из ключевых задач¹. В этом смысле вовлечение ребенка в занятие проституцией либо организация занятия им проституцией родителем или лицом, обязанным о нем заботиться, представляет собой деяние, требующее отдельной уголовно-правовой оценки ввиду специфики субъекта и механизма совершения преступления. Проблема, по нашему убеждению, видится в отсутствии в диспозициях двух составов – ст. 240

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

«Вовлечение в занятие проституцией» и ст. 241 «Организация занятия проституцией» Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее – УК РФ) квалифицирующих признаков, учитывающих совершение этих деяний родителем, опекуном, педагогом или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию ребенка. Подобный подход, как демонстрирует исследование, вступает в противоречие с историческим опытом отечественного права, внутренней логикой УК РФ, статистическими данными и международными обязательствами нашей страны как подписавшей ряд соглашений по защите детей от насилия, в т. ч. сексуального.

Проблема эксплуатации детской проституции и личности преступника – вовлечателя и сутенера – становились предметом активного обсуждения в юридической литературе. Е. Н. Худжаева верно подмечает: «Довольно часто проститутками становятся не только пятнадцатилетние, но и девочки моложе десяти лет <...> большинство – путем обмана, применения угроз и даже насилия, причем ставят их на этот путь не только чужие „дяди” и „тети”, но и собственные родители» [1, с. 104]. В связи с этим возникает необходимость комплексного анализа обозначенного законодательного пробела с позиций истории права, догматики, криминологии, международного права и сравнительного правоведения. Отсюда целью настоящей работы является исследование уголовно-правовых средств противодействия сексуальной эксплуатации детей близкими родственниками, лицами, осуществляющими надзор, и иными специальными субъектами, а также разработка на этой основе концептуальных предложений по совершенствованию ст. 240 и 241 УК РФ.

Методы

Для достижения поставленной цели и решения обозначенных задач в работе использован методологический аппарат, соответствующий междисциплинарному характеру изучаемой проблемы. Формально-юридический (догматический) метод лег в основу углубленного анализа конструкции уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 127¹, 150, 151, 240, 241 УК РФ, с целью выявить и сопоставить признаки составов преступлений. В контексте данного исследования догматический метод направлен на выявление системного пробела, выражающегося в отсутствии в ст. 240 и 241 УК РФ такого квалифицирующего признака, как совершение деяния специальным субъектом (родителем, опекуном, педагогом), который последовательно используется законодателем в иных составах.

Историко-правовой метод использовался для реконструкции эволюции отечественного уголовного закона в сфере противодействия вовлечению несовершеннолетних в занятие проституцией и сутенерства. Метод обеспечивает анализ правовых источников разных исторических периодов, начиная с дореволюционных кодификаций, что позволило проследить преемственность или, напротив, разрыв правовых традиций, понять причины и условия формирования современной редакции нормы. Сравнительно-правовой метод стал инструментом изучения опыта зарубежных государств в области криминализации деяний, аналогичных предусмотренным ст. 240, 241 УК РФ. Метод предполагает сопоставление национального законодательства с нормами уголовного права стран других государств для выявления эффективных законодательных моделей, лучших практик и возможных путей реформирования отечественного Уголовного кодекса. Метод анализа международных правовых актов применялся для определения степени соответствия российского законодательства международным стандартам в области защиты прав ребенка. Он был ориентирован на изучение положений ключевых универсальных и региональных конвенций, ратифицированных нашей страной, которые устанавливают обязательства по обеспечению особой защиты ребенка от сексуальной эксплуатации, в т. ч. лицами, осуществляющими заботу о нем.

Метод анализа судебной практики и криминологических данных обеспечивает полноту эмпирической основы исследования. Он использовался для обобщения и осмысления материалов уголовных дел, судебной статистики, а также результатов криминологических и социологических исследований. Это позволяет оценить распространенность, специфику и общественную опасность деяний, совершаемых специальными субъектами, и тем самым доказать практическую значимость выявленного теоретического пробела.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Результаты

1. Историческая ретроспектива: от дореволюционных источников уголовного права к советскому «правовому молчанию»

Проблема коммерческой сексуальной эксплуатации детей, включая случаи, инициированные семьей или близкими родственниками, имеет глубокие исторические корни. Исследователи указывают, что уже в обществах Древней Месопотамии существовали «религиозные и социальные практики <...>, содержавшие элементы подобной эксплуатации в рамках храмовых ритуалов» [2, с. 59]. Они, хотя и имели сакральное обоснование, по сути представляли собой ранние формы коммерциализации детской сексуальности, где тело несовершеннолетнего выступало в качестве инструмента для достижения социальных или экономических целей общины. В более поздние периоды, как отмечает Р. Таннахилл, псевдомедицинские заблуждения, в частности, миф об исцелении от сифилиса через половой контакт с девственницей, создали в Европе XIX века экономически мотивированный спрос на детей, что не могло не стимулировать их вовлечение в занятие проституцией и сутенерство, в т. ч. внутри семьи [3, с. 124]. В начале XIX века высокая стоимость сексуальных услуг несовершеннолетних, не имевших опыта, формировала устойчивую экономическую мотивацию к их эксплуатации. В совокупности с бедностью и социальной маргинализацией это обуславливало случаи принуждения несовершеннолетних к занятию проституцией со стороны родителей.

Законодатель Российской империи, начиная с Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (в ред. 1866 и 1885 гг.) (далее – Уложение), демонстрировал осознание особой общественной опасности злоупотребления статусом лиц, близких ребенку. Отдельная ответственность по ст. 1296–1298 устанавливалась для родителей, принуждавших к сожительству своих детей, а также для опекунов и учителей, торговавших опекаемыми³. Уложение 1866 года развило и ужесточило этот подход. Статья 993 прямо возлагала на родителей, опекунов или родственников ответственность не только за непосредственное вовлечение несовершеннолетнего в разврат внушением или обольщением, но и за содействие их занятию проституцией. За это предусматривалось наказание в виде тюремного заключения на срок от двух до четырех месяцев с последующим пожизненным лишением их права на надзор в отношении детей. Статья 998 главы 4 Уложения закрепляла ответственность за сводничество в отношении детей, карая родителей ссылкой в Сибирь на срок от двух до трех лет [4, с. 58]. Для иных лиц, осуществлявших надзор за детьми (опекунов, учителей), уголовная ответственность устанавливалась в более мягкой форме и предусматривала лишение свободы на срок от одного до двух лет либо направление в исправительные арестантские отделения. При этом все виновные лица «лишались всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ» (ст. 1000 Уложения). Такая подробная регламентация наказания за проституцию детей с согласия родителей или других близких людей не была случайной: экономические и социальные условия царской России способствовали их эксплуатации. Например, А. А. Панов, описывая каторжную жизнь на Сахалине в 1905 году, отмечал, что «нищета доводит до того, что родители продают своих малолетних дочерей. Девочки 12–13 лет открыто живут на содержании у тюремных надзирателей, писцов и различных чинов администрации» [5, с. 112]. Современный анализ Ю. В. Хармаева подтверждает системный характер детской проституции и ее зависимость от экономических условий: «Кому известно, до какой степени доходит иногда нищета на Сахалине, тому не придет в голову объяснять эти явления нравственной испорченностью родителей» [6, с. 240].

Коренной перелом в борьбе со сводничеством и иными формами организованной сексуальной коммерции наступил после 1917 года. Как следует из архивных материалов, первоначальный проект Уголовного Кодекса РСФСР 1922 года⁴ (далее – УК РСФСР 1922 г.) содержал положения о криминализации сутенерства и вовлечения в занятие проституцией детей их родителями, опекунами или попечителями [7, с. 256–259]. Однако в окончательной редакции указанное отягчающее обстоятельство было исключено по решению сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Это создало пробел в защите детей от сексуальной эксплуатации со стороны лиц, осуществляющих надзор за ними и использующих зависимое положение ребенка для корыстной выгоды. В УК РСФСР 1922 г. деяния, связанные с проституцией, были отнесены

³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Москва : Юридическая литература, 1988. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. С. 174–276.

⁴ О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»): постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 1 июня 1922 г. (ред. от 25.08.1924) // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153. Утратил силу.

к категории преступлений против половых отношений, не нравственности. В разделе 4 главы 5 «Преступления в области половых отношений» (глава 5 «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности») закреплялись два самостоятельных состава: принуждение к занятию проституцией из корыстных или иных личных мотивов (ст. 170) и сводничество, содержание притонов разврата (ст. 171). Санкции указанных норм предусматривали лишение свободы до трех лет со строгой изоляцией, при этом ст. 171 впервые вводила возможность конфискации всего или части имущества осужденного. Притоны разврата, по Циркуляру Наркомздрава от 26 сентября 1923 г. № 21, включали квартиры, номера, бани и другие помещения, используемые для организации сутенерской деятельности. Уголовная ответственность наступала и за содержание притона, когда в таких заведениях пребывали несовершеннолетние или лица, не достигшие половой зрелости⁵ (ст. 166–168 УК РСФСР). Кроме притоносодержательства, деяния виновных могли быть квалифицированы как растление и развратные действия в отношении детей и подростков. Другими словами, первый уголовный закон нового государства отказался от усиленной защиты несовершеннолетних от сексуальной эксплуатации со стороны лиц, их опекающих или родных. Идеологически («Тезисы по борьбе с проституцией») признавалось, что «коммунизм – могила проституции...»⁶, а потому продажа своего тела при социализме как пережиток прошлого будет полностью ликвидирована. В материалах Межведомственной комиссии по борьбе с проституцией ее толковали как форму «социального паразитизма», в связи с чем уголовная репрессия, если и предусматривалась, то направлялась не на родителей, вовлекавших в проституцию своих детей, а на организаторов притонов и сводников.

При этом, несмотря на проводимую государством агитационно-пропагандистскую работу и меры общественного воздействия, к началу 1930-х гг. в СССР фиксировался устойчивый рост числа лиц, занимающихся проституцией. А вовлечение подростков в сферу коммерческих сексуальных отношений приобрело массовый характер. Для пресечения безнравственности постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. № 598 «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних»⁷ вступление несовершеннолетних в половую связь за плату, равно как и понуждение их к занятию проституцией, было признано антиобщественной деятельностью. За вовлечение в нее в уголовные кодексы союзных республик была введена ответственность в виде лишения свободы на срок не менее пяти лет. Последующие кодификации, включая УК РСФСР 1960 года⁸, так и не восстановили специальной ответственности для родителей или опекунов, ограничившись общей нормой о вовлечении детей в антиобщественные действия (ст. 210).

2. Уголовно-правовой анализ ст. 240 и 241 Уголовного кодекса Российской Федерации: пробелы конструкции

Воспроизводя советскую законодательную традицию, действующий уголовный закон в составах о проституции не содержит квалифицирующих составов, учитывающих особый статус субъекта в отношении потерпевшего. Статья 240 «Вовлечение в занятие проституцией» и ст. 241 «Организация занятия проституцией» УК РФ сконструированы как нормы с общим субъектом. Данный пробел создает ряд сложностей.

Во-первых, особую доказательную силу и убедительность он приобретает при системном сопоставлении с другими нормами. Законодатель в других диспозициях составов, охраняющих интересы семьи, а также обеспечивающих защиту детства, надлежащее воспитание и нормальное развитие несовершеннолетних, последовательно выделяет совершение преступления против них специальным субъектом в отдельный квалифицированный состав. Так часть 2 статьи 150 УК РФ устанавливает повышенную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, когда оно осуществляется родителем, педагогическим работником либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (п. «а»). Подобная конструкция используется и в части 2 ст. 151 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий», однако, исходя из буквального толкования текста ч. 1 этой нормы, проституция не вошла в перечень

⁵ См.: Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2008. 949 с.

⁶ Тезисы по борьбе с проституцией // Материалы Межведомственной комиссии по борьбе с проституцией. Москва : Государственное издательство, 1921. Вып. 1. С. 7.

⁷ О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних : постановление Центрального Исполнительного Комитета СССР № 3, Совета Народных Комиссаров СССР № 598 от 7 апреля 1935 г. // Собрание законов СССР. 1935. № 19. Ст. 155. Утратил силу.

⁸ Уголовный кодекс РСФСР (утв. Верховным Советом РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591. Утратил силу.

асоциального, девиантного поведения. Таковым, по мнению правотворца, признается только систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, занятие бродяжничеством или попрошайничеством. На этом фоне полное игнорирование аналогичного подхода в ст. 240 УК РФ выглядит как внутреннее системное противоречие, нарушающее логику и последовательность всей главы 20 УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних». Возникает неразрешимое правовое и логическое несоответствие: государство через уголовный закон заявляет, что злоупотребление статусом родителя или воспитателя является отягчающим (квалифицирующим) фактором, когда речь идет о попрошайничестве. Применительно к статьям 240 и 241 УК РФ, регламентирующим не разовое, а систематическое коммерческое сексуальное использование ребенка, предполагающее его вступление в половую связь многократно, эта логика отчего-то не работает. Ведь занятие проституцией по своей объективной природе представляет собой не единичный, а продолжаемый во времени, коммерциализированный, глубоко травмирующий процесс сексуальной эксплуатации. Получается, что для менее опасного деяния законодатель предусматривает усиленную защиту от «своих», а для несопоставимо более опасного – нет. Это противоречие деформирует систему уголовно-правовой охраны, создавая ситуацию, при которой закон не соответствует иерархии общественных ценностей и опасностей. А между тем, как справедливо отмечает Д. А. Калужский, злоупотребление статусом родителя и воспитателя представляет собой не просто отягчающее вину обстоятельство, а качественно иной вид общественно опасного деяния, посягающего на сам институт охраны детства [8, с. 258].

Во-вторых, в теории уголовного права подчеркивается, что привлечение к ответственности по ст. 240, 241 УК РФ в отношении родителей сопряжено с серьезными проблемами доказывания и квалификации [9, с. 36]. Как полагают специалисты, латентность данных преступлений крайне высока в силу замкнутости семейной системы, полной зависимости ребенка от родителя-эксплуататора и отсутствия у потерпевшего возможности или понимания необходимости обратиться за помощью [10, с. 22]. Вовлечение в занятие проституцией и его организация носят зачастую скрытый, манипулятивный характер, не сопровождаясь прямым физическим насилием против ребенка, что требует от следствия особых тактических и психологических методов при сборе доказательств. Кроме того, возникает сложность в разграничении рассматриваемых составов со смежными. Действия родителя, вовлекшего и систематически извлекающего материальную выгоду из проституции ребенка, но не являющегося сутенером, фактически образуют совокупность преступлений: вовлечение (ст. 240 УК РФ) и торговлю людьми (ст. 127¹ УК РФ). Ведь родитель, получая доход от нелегальных секс-услуг несовершеннолетнего, тем самым выразил согласие на его сексуальную эксплуатацию, использование занятия проституцией. Однако на практике следователи ограничиваются только квалификацией содеянного как вовлечения, если продажу услуг детей осуществляют третьи лица. А ведь пункт «b» Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений⁹ и ратифицированной Россией в 2013 году¹⁰ как раз требует криминализации не только прямого принуждения, но и «извлечения выгоды» из занятия ребенка проституцией. В пояснительном докладе к Конвенции оговаривается, что выгода может быть не только финансовой, но и иной (например, получение жилья, покровительства) и что извлекать выгоду может «третье лицо». Это напрямую касается ситуации, когда родитель или опекун получает деньги или иные блага от сексуальной эксплуатации ребенка, которого они обязаны защищать. Полагаем, что без учета специального статуса виновного в диспозициях рассматриваемых норм повышенная общественная опасность его поведения не находит своего отражения. Попытка его предусмотреть через общее отягчающее обстоятельство (п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ – совершение преступления в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) родителем или иным лицом, на которое возложены обязанности по содержанию, воспитанию, обучению и (или) защите прав и законных интересов несовершеннолетнего (несовершеннолетней), либо лицом, проживающим совместно с несовершеннолетним (несовершеннолетней), либо педагогическим работником или другим работником образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанным осуществлять надзор за несовершеннолетним (несовершеннолетней), либо иным лицом, осуществляющим трудовую деятельность в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания,

⁹ Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений (CETS N 201) (закл. в г. Лансароте 25.10.2007) // СЗ РФ. 2014. № 7. Ст. 632.

¹⁰ О ратификации Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений : Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 76-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2303.

в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних) методологически несостоятельна.

Обстоятельство, отягчающее наказание, в отличие от квалифицирующего признака состава преступления, является факультативным, вспомогательным элементом. Оно *может быть* учтено судом при назначении наказания, влияя лишь на вид и размер наказания в пределах санкции одной и той же статьи, не меняя юридической сущности и квалификации самого деяния. Это означает, что качественная разница в степени общественной опасности, в характере нарушения социальных связей и в глубине причиняемого вреда не находит адекватного отражения в уголовно-правовой оценке содеянного. С позиции формальной логики уголовного права действия матери, которая на протяжении нескольких лет систематически принуждает свою несовершеннолетнюю дочь к коммерческим сексуальным контактам, применяя физическое насилие и психологическое давление, и действия случайного знакомого, который впервые склонил к подобному знакомому подростка, подпадают под одну и ту же диспозицию ч. 3 ст. 240 УК РФ. Иначе говоря, действия родителя-сутенера, склонившего своего ребенка к занятию проституцией, и постороннего вовлечателя и сутенера формально квалифицируются одинаково, что не соответствует принципу справедливости и дифференциации ответственности. Этот пробел в законе не является абстрактным и требует внимания законодателя. Ведь уголовная статистика преступлений, сопряженных с проституцией, где жертвами были дети и подростки, не дифференцирует эти случаи по признаку родства с субъектом преступления, поскольку такого отягчающего обстоятельства в двух нормах нет. А применение пункта «п» по усмотрению правоприменителя никак не отражается в регистрируемых карточках учета, что негативно влияет на их профилактику и предупреждение.

3. Криминологическая оценка ответственности родителей-эксплуататоров

Изучение современных форм сексуальной эксплуатации несовершеннолетних, проведенное М. М. Русаковой и В. А. Одиноквой, свидетельствует о том, что среди преступников находятся лица из ближайшего окружения ребенка, а наиболее распространенную категорию среди них составляют родители, отчимы и опекуны¹¹. Их исключительный доступ к ребенку, обусловленный родственными или законными отношениями зависимости, а также бытовая изоляция жертвы создают условия для длительной и латентной эксплуатации. Криминологический анализ подтверждает и другую особенность таких преступлений: она заключена в двойственной роли родителя-эксплуататора. Он одновременно выступает и как вовлечатель, и как организатор-сутенер, непосредственный получатель дохода. Для иллюстрации приведем пример из судебной практики. Авторы выделяют несколько типичных моделей поведения таких субъектов. Первая модель связана с сочетанием сексуального насилия и последующего шантажа: совершив первоначальное преступление против половой неприкосновенности, виновный использует психологическую травму и зависимость ребенка для его систематического принуждения к оказанию сексуальных услуг третьим лицам уже на коммерческой основе. Вторая модель характеризуется прямой предпринимательской активностью родителя, который самостоятельно выступает организатором, выполняя функции вербовщика, переговорщика с клиентами, производителя запрещенного контента или сутенера. Так, из обвинительного заключения по уголовному делу, расследованному в Москве в 2023 году, следует, что гражданка Н., 1988 года рождения, мать 14-летней девочки, склонила дочь к занятию проституцией под предлогом пополнения семейного бюджета. Начиная с 2019 года, она «самостоятельно вела все переговоры с клиентами через мессенджеры, назначала цены за услуги (от 1,5 до 3 тысяч рублей), организовывала места для встреч (снимала квартиры посуточно) и осуществляла полный контроль над финансами, забирая всю выручку». После получения формального согласия подростка, обвиняемая создала на нескольких специализированных интернет-ресурсах анкету с эротическими фотографиями. Эксплуатация носила систематический характер на протяжении трех лет¹². В данном случае действия матери подпадают под признаки как вовлечения (ст. 240 УК РФ), так и организации занятия проституцией (ст. 241 УК РФ), поскольку она выполняла все функции сутенера, извлекая от этой деятельности стабильный доход. Третья, более пассивная, но не менее виновная форма поведения выражается в сознательном предоставлении своего ребенка для эксплуатации, когда родитель или родственник, не будучи инициатором, становится пособником,

¹¹ См.: Сексуальное насилие и эксплуатация детей: выявление, оказание помощи и профилактика : научно-методическое пособие / под ред. М. М. Русаковой, В. А. Одиноквой. Санкт-Петербург : Скифия-Принт, 2020. 294 с.

¹² В Москве женщина заставила дочь-подростка заниматься проституцией // ИЗ.РУ : [сетевое издание]. URL: <https://iz.ru/1441268/2022-12-15/v-moskve-zhenshchina-zastavila-doch-podrostka-zanimatsia-prostitutciei> (дата обращения: 25.12.2025).

обеспечивая доступ к жертве в онлайн- или офлайн-среде¹³. Эксперты обращают внимание и на интернационализацию этого криминального явления. Согласно данным Европола, наблюдается рост транснациональных схем, при которых преступники, находящиеся в одной стране, дистанционно вступают в сговор с родителями несовершеннолетних из другой страны. Предметом такого сговора становится организация в режиме реального времени демонстрации сексуальных действий с детьми посредством видеосвязи. Благодаря Глобальной сети появились и другие формы эксплуатации детской сексуальности – т. н. виртуальная проституция, когда ребенка принуждают заниматься веб-камингом или секс-позированием с имитацией полового акта [11, с. 162]. Подобные схемы не только расширяют географию преступлений, но и формируют у родителя-преступника ложное чувство безопасности и безнаказанности, дополнительно стимулируя совершение новых деяний.

Девиантологические исследования подтверждают особую опасность проституции детей и подростков [12, с. 154]. Д. А. Калужский утверждает, что последствия такой длительной, систематической эксплуатации со стороны самых близких людей носят тотально деструктивный, «пожизненный» характер, выходящий далеко за рамки физического ущерба. К ним относятся, по его мнению, высокий риск получения травм, заражения социально значимыми заболеваниями, развития зависимостей (алкогольной, наркотической), посттравматическое стрессовое расстройство, тяжелые депрессивные и тревожные состояния. Формируется искаженная самооценка, чувство собственной «испорченности» и вины, нарушаются способности к установлению здоровых, доверительных отношений. Часто происходит вторичная социальная и криминальная маргинализация. Жертва, сбежав от эксплуататоров, может сама вовлекаться в криминальную среду, не имея опыта иных социальных навыков и связей. Наиболее тяжелым, но, к сожалению, распространенным следствием являются устойчивые суицидальные мысли, попытки и завершённые суициды. Они вытекают из ощущения полной беспомощности, безнадежности и утраты смысла жизни [8, с. 258]. Этот вывод подтверждает и правоприменительная практика. Так, отчим несовершеннолетней О., проживавший с ее матерью, когда девочке исполнилось 15 лет, спаивал ее и систематически насиловал. При активном пособничестве и участии матери, которая не только не препятствовала преступлениям, но и склоняла дочь к оказанию секс-услуг, а также фиксировала происходящее на фото- и видеоаппаратуру, был организован преступный бизнес. Используя созданный архив изображений в качестве «портфолио», взрослые занимались сводничеством, предлагая подростка знакомым и клиентам по объявлению для вступления в половую связь, устанавливая плату и получая денежные средства. Преступная деятельность прекратилась лишь после попытки суицида несовершеннолетней и ее последующего обращения в полицию¹⁴.

В числе негативных проявлений детской проституции следует выделить и раннюю беременность несовершеннолетних, вовлеченных в занятие проституцией по воле либо при участии родителей, а также криминальные аборты с осложнениями для деторождения. По резонансному делу в Нижегородской области мать несовершеннолетней С., являющейся инвалидом II группы с детства, обвинялась в систематическом принуждении дочери к занятию проституцией с применением насилия. По данным следствия, женщина, пользуясь беспомощным и зависимым положением ребенка, с момента достижения дочери 14-летнего возраста заставляла ее вступать в половые контакты с различными мужчинами за денежное вознаграждение. В случаях отказа или сопротивления потерпевшая подвергалась избиениям, ее запирали в неотапливаемом подвале частного дома на длительное время. За годы эксплуатации девушка родила ребенка от одного из клиентов, после чего несколько раз принуждалась матерью к нелегальному аборту. Потерпевшая не обращалась в правоохранительные органы, будучи полностью подавленной психологически и физически, и лишь спустя несколько лет, сбежав из дома, смогла дать показания¹⁵.

Монографические работы и статьи ученых, а также материалы уголовных дел, обвинительные приговоры раскрывают специфические детерминанты и механизмы сексуальной эксплуатации детей родителями, близкими родственниками или теми, кто должен был проявлять заботу о жертвах. Исследуя подобные случаи, криминологи обращают внимание на то, что семейные и клановые связи могут использоваться для создания особо устойчивых и конспиративных

¹³ См.: Сексуальное насилие и эксплуатация детей...

¹⁴ Мать заставила дочку заниматься проституцией // Комсомольская правда (www.kp.ru) : [сайт]. URL: <https://www.kp.ru/daily/24463/624230/> (дата обращения: 25.12.2025).

¹⁵ Кожедубов А. Россиянку заподозрили в сексуальном рабстве в отношении дочери-инвалида // Московский комсомолец : [электронное издание]. URL: <https://www.mk.ru/incident/2020/09/22/rossiyanku-zapodozrili-v-seksualnom-rabstve-v-otnoshenii-docheriinvalida.html?ysclid=mjy9m7nhcm317100735> (дата обращения: 28.12.2025).

преступных структур. В контексте сексуальной эксплуатации это означает, что родители или иные родственники могут выступать не как одиночные преступники, а как звенья организованной группы, где роли распределены: один обеспечивает «живой товар», другой занимается поиском клиентов (в т. ч. через интернет), третий обеспечивает безопасность и контролирует финансы. Такие «семейные бизнесы» крайне сложно выявить и доказать, так как они основаны на круговой поруке, а жертва находится в абсолютной зависимости и изоляции [13, с. 22]. Приведенные примеры наглядно показывают, что преступления специальных субъектов характеризуются не эпизодичностью, а продуманной системностью, когда виновные используют полную психологическую и физическую зависимость жертвы. Эти качественные характеристики, остающиеся «за кадром» сухой статистики, и обуславливают необходимость их отдельной уголовно-правовой оценки.

Говоря о криминогенных факторах, оказывающих влияние на включение ребенка в секс-бизнес, Е. Н. Курилова как ключевой выделяет семейное неблагополучие, отмечая, что в маргинализированных, «криминогенных» семьях происходит кардинальная деформация традиционных социальных ролей и ценностных ориентаций. Родительская функция заботы и защиты замещается утилитарным, потребительским отношением. Ребенок в девиантных, алкоголизованных семьях перестает восприниматься как личность, нуждающаяся в развитии и охране; его личность и телесность превращаются в объект, вещь, «инструмент для извлечения материальной выгоды». В такой искаженной системе координат целенаправленное вовлечение собственного сына или дочери в проституцию перестает быть невысказанным, запредельным актом. Оно может рационализироваться виновным как «вынужденная мера» в условиях финансового кризиса, как «семейный бизнес» или даже как «воспитание самостоятельности»¹⁶. Это подтверждается и другими эмпирическими данными. К примеру, результаты исследования В. А. Одинокоевой, К. Ю. Ерицян, М. М. Русаковой, Н. М. Усачевой показывают, что «около 10% респондентов из числа взрослых женщин, занятых в сфере коммерческого секса, начали эту деятельность в несовершеннолетнем возрасте, причём для 50% из них первый опыт был вынужденным и связан с применением принуждения». Контекстом выступали «побеги из дома вследствие конфликтов или насилия, а также ранняя наркотизация» [14, с. 269]. Иными словами, действия родителей и других родственников жертв причиняют комплексный, тотальный ущерб охраняемым уголовным законом интересам – здоровью, психическому развитию, нормальному формированию личности несовершеннолетнего. Это акт разрушения личности, жизненного мира и будущего ребенка, в котором комбинируется физическое насилие, психологическое уничтожение и глубокое социальное предательство, что объективно требует более строгой правовой оценки. Игнорирование этой качественной специфики действий самых близких ребенку людей в уголовном законе является не только правовой ошибкой, но и формой моральной несправедливости.

В то же время субъектами преступного вовлечения несовершеннолетних в занятие проституцией могут выступать не только родители, но и иные лица, которым вверены обязанности по воспитанию, обучению и охране здоровья детей. К их числу относятся педагоги, воспитатели, медицинские работники, сотрудники детских домов, интернатов и иных учреждений для несовершеннолетних, злоупотребляющие своим служебным положением и доверием ребенка. Такие лица способны не только выявлять и использовать психологическую уязвимость жертв, но и эффективно маскировать противоправные действия под процесс воспитания, обучения или оказания помощи, что существенно осложняет своевременное выявление преступлений. Так, преподаватель основ безопасности жизнедеятельности одной из школ города Екатеринбурга, используя свой служебный статус и доверительные отношения с учащимися, систематически вовлекал несовершеннолетних учеников мужского пола в занятие проституцией в интересах преступной группы, в которую он входил. Совместными действиями участников группы в отношении вовлеченных подростков совершались насильственные действия сексуального характера, осуществлялись съемки порнографических материалов, а также производилась их продажа для дальнейшей эксплуатации в коммерческих сексуальных предприятиях города Санкт-Петербурга. Преступная деятельность была прекращена в результате оперативно-розыскных мероприятий¹⁷. Полагаем, что уголовно-правовая охрана должна быть распространена и на данную категорию специальных субъектов, поскольку использование профессионального доступа к детям для их совращения и сексуальной эксплуатации представляет повышенную общественную опасность и грубо нарушает специальное доверие.

¹⁶ Курилова Е. Н. Проституция как социально-правовое явление и факторы, способствующие сексуальной эксплуатации несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 4 (68). С. 117-120.

¹⁷ Учитель ОБЖ заставлял своих учеников заниматься проституцией // Комсомольская правда (www.kp.ru) : [сайт]. URL: <https://www.ural.kp.ru/daily/23749/252171/> (дата обращения: 25.12.2025).

4. Международно-правовые императивы и обязательства Российской Федерации

Обозначенный пробел в национальном уголовном законодательстве вступает в противоречие с системой международно-правовых обязательств, которые формируют четкие стандарты защиты детей от сексуальной эксплуатации, и добровольно принятых на себя нашей страной [15, с. 160]. Современное международное право выработало целостную последовательную парадигму, которая требует от государств установления особого, усиленного режима защиты детей от насилия и эксплуатации, исходящих от лиц, входящих в так называемый «круг доверия» (circle of trust) – тех, кто в силу закона, семейных связей или профессиональных обязанностей призван заботиться о ребенке. И. С. Алихаджиева в своем комплексном исследовании подчеркивает, что смещение фокуса международного права с защиты от «чужих» на защиту от «своих» стало одним из ключевых достижений в данной области [16, с. 160].

Базовым документом, заложившим этот принцип, стала Конвенция о правах ребенка¹⁸, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. и ратифицированная СССР (правопреемником которого является Российская Федерация) в 1990 году¹⁹. Статья 19 Конвенции устанавливает обязанность государств защищать ребенка от всех форм «физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке»²⁰. Эта формулировка прямо указывает на источник угрозы и государства-участники обязуются защищать ребенка прежде всего от этих лиц. Статьи 34 и 35 Конвенции конкретизируют это требование применительно к сексуальной эксплуатации и торговле детьми, обязывая государства предотвращать склонение или принуждение ребенка к любой незаконной сексуальной деятельности.

Дальнейшее развитие и конкретизацию это положение получило в Факультативном протоколе к Конвенции о правах ребенка, касающемся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии²¹, принятом Генеральной Ассамблеей ООН 25 мая 2000 г. и ратифицированным Россией в 2004 году. Пункт «b» статьи 2 Протокола дает легальное определение понятию «детская проституция», которая означает использование ребенка в деятельности сексуального характера за вознаграждение или любую иную форму вознаграждения. Согласно его статье 3(1) (b), государства-участники обязаны криминализовать «использование ребенка для занятия проституцией». Принципиальное уголовно-правовое значение имеет положение статьи 3(2): «Согласие ребенка не является обстоятельством, освобождающим от уголовной ответственности». Это означает, что правовая оценка деяния зависит исключительно от факта эксплуатации, а не от формального волеизъявления несовершеннолетнего, что особенно важно в случаях манипуляций со стороны родителей²².

На первом Всемирном конгрессе в Стокгольме (27–31 августа 1996 г.), организованном по инициативе Международной сети ЕСПАТ International при поддержке ООН, коммерческая сексуальная эксплуатация детей (КСЭД) была верифицирована как самостоятельное явление, относимое к числу форм насилия над ребенком и одновременно квалифицируемое как тяжелое нарушение его прав. В Стокгольмской декларации подчеркивается, что в условиях коммерческой эксплуатации ребенок используется не как носитель прав, а как объект сексуального обращения и экономической выгоды²³. Под эксплуатацией понимаются действия, предполагающие сексуальное насилие либо использование ребенка взрослым лицом при наличии возмещения – в денежной или иной форме – направленного самому ребенку либо третьим лицам. Данные практики рассматриваются как основанные на принуждении и насилии и в связи с этим приравниваются к принудительному труду и современным формам рабства. Стокгольмской декларацией выделяются базовые и взаимосвязанные формы коммерческой сексуальной эксплуатации детей, включая вовлечение в проституцию, использование в порнографии и торговлю детьми в сексуальных целях.

¹⁸ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

¹⁹ О ратификации Конвенции о правах ребенка : постановление Верховного Совета СССР от 13 июня 1990 г. № 1559-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 26. Ст. 497.

²⁰ Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

²¹ Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии (принят Генеральной Ассамблеей ООН 25.05.2000) // СЗ РФ. 2014. № 7. Ст. 633.

²² СЗ РФ. 2014. № 7. Ст. 633.

²³ The Stockholm Declaration and Agenda for Action = [Стокгольмская Декларация и Повестка дня для действий] // Deutsches Jugendinstitut E.V. : [webseite]. URL: https://www.dji.de/fileadmin/user_upload/izkk/StockholmAgenda1996.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

Следующим актом, который сосредоточил внимание на проблеме сексуальной эксплуатации детей, стал Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее²⁴ от 15 ноября 2000 г., дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности²⁵. Он известен в международной практике как Палермский протокол. Важно, что это первый документ, который специально обратил внимание на сексуальную коммерческую эксплуатацию женщин и детей как самостоятельное явление, отдельно от торговли людьми или рабства. Пункт 5 статьи 9 называет проституцию и другие формы сексуальной эксплуатации формой насилия, требующей отдельного нормативного и уголовного реагирования.

В Бюллетене Генеральной Ассамблеи ООН о специальных мерах по защите от сексуальной эксплуатации и полового насилия 2013 года (ST/AB/2003/13) закреплено, что существует ряд преступлений, которые составляют сексуальную эксплуатацию детей: это детская порнография, вовлечение малолетних в половые отношения, детский секс-туризм и детская проституция. Под последней понимается не просто секс с детьми до 18 лет, а любое пользование их услугами, принуждение к проституции, продажа таких услуг или сводничество²⁶. И это не исчерпывающий список, потому что формы сексуальной эксплуатации могут быть самыми разными, модифицироваться, меняться со временем, так что бюллетень дает рамку, а не окончательный перечень.

Наиболее детализированный и императивный механизм защиты установлен Конвенцией Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений²⁷. Она была разработана именно для того, чтобы закрыть пробелы в национальных законодательствах и создать универсальные минимальные стандарты. Статья 19 Конвенции, озаглавленная «Преступления, касающиеся детской проституции», обязывает государства криминализовать три группы деяний: а) вовлечение ребенка в проституцию; б) принуждение ребенка к занятию проституцией или извлечение выгоды из нее; в) использование услуг детской проституции.

Ратификация Лансаротской конвенции создала для России прямое и безусловное обязательство имплементировать ее нормы в национальное законодательство. Частичной имплементацией можно считать введение в УК РФ в 2009 году ст. 240¹ «Получение сексуальных услуг несовершеннолетнего», что в определенной степени соответствует пункту «с» статьи 19 Конвенции (использование услуг). Однако императив пункта «б» в части криминализации извлечения выгоды из детской проституции (сутенерства) лицом, пользующимся доверием ребенка, в национальном законодательстве не реализован, т. к. в ст. 240–241 УК РФ не выделяется специальный субъект. Другими словами, Россия формально выполнила ратификацию, но не обеспечила полной реализации взятых на себя обязательств в национальном праве. Как отмечает И. С. Алихаджиева в своем анализе имплементации международных норм, «российское уголовное законодательство в части борьбы с сексуальной эксплуатацией детей демонстрирует выборочный подход, реализуя лишь те стандарты, которые касаются внешних по отношению к семье угроз, и оставляя без внимания императив специальной защиты от злоупотреблений внутри круга доверия» [16, с. 162].

5. Сравнительно-правовой анализ: зарубежные модели криминализации действий специальных субъектов

В сравнении с российским Уголовным кодексом различные модели криминализации вовлечения и организации занятия проституцией несовершеннолетних специальными субъектами – родителями, воспитателями и иными лицами, кто обязан проявлять заботу о ребенке, – имеются и в зарубежных уголовных законах. Например, белорусский законодатель в Уголовном кодексе от 9 июля 1999 г. № 275-З проводит четкую границу между двумя видами преступной деятельности родителей, выделяя их в качестве специального субъекта сексуальной эксплуатации детей²⁸. Нормы о вовлечении в занятие проституцией либо принуждении к продолжению

²⁴ Протокол по профилактике, пресечению и наказанию торговли людьми, особенно женщинами и детьми, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности // СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3884.

²⁵ Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята Генеральной Ассамблеей ООН 15.11.2000) (с изм. от 15.11.2000) // СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3882.

²⁶ Специальные меры по защите от сексуальной эксплуатации и сексуальных надругательств : Бюллетень Генерального секретаря от 9 октября 2003 г. (ST/SGB/2003/13) // Организация Объединенных Наций : [официальный сайт]. URL: <https://docs.un.org/ru/st/SGB/2003/13> (дата обращения: 25.12.2025).

²⁷ СЗ РФ. 2014. № 7. Ст. 632.

²⁸ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З (в ред. от 20.10.2025) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : [сайт]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 25.12.2025).

занятия проституцией (ст. 171¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК РБ)) и организации занятия проституцией (ст. 171 УК РБ) сосредоточены в главе 20 «Преступления против половой неприкосновенности или половой свободы». Они, в отличие от отечественного права, образуют взаимосвязанную конструкцию, которая охватывает весь спектр действий родителя-эксплуататора. Белорусский уголовный закон криминализировал в т. ч. использование проституции, как того требует Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений, принятой в г. Лансароте 25 октября 2007 года. В части 3 статьи 171¹ УК РБ закрепляется отягчающее обстоятельство: наказание ужесточается, если вовлечение или принуждение совершаются родителем в отношении своего ребенка. Максимальная санкция за это деяние в рамках главы – лишение свободы на срок от семи до десяти лет со штрафом, что свидетельствует о признании злоупотребления родительским доверием и сексуальной эксплуатации заведомо несовершеннолетнего особо тяжким преступлением. Как отдельную категорию субъекта по ч. 3 ст. 171¹ УК РБ выделяет и педагогических работников и иных лиц, на которых возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего.

Уголовный кодекс Республики Казахстан (далее – УК РК) от 3 июля 2014 г. № 226-V устанавливает стройную систему уголовно-правовых запретов, направленных на защиту несовершеннолетних от вовлечения в занятие проституцией, придавая особое значение фигуре родителя как субъекту преступления²⁹. Позиция законодателя четко выражена в систематизации норм, когда сама структура закона указывает на приоритет охраны интересов ребенка. Статья 134 «Вовлечение несовершеннолетнего в занятие проституцией, оказание иных услуг сексуального характера» расположена не среди преступлений против общественной нравственности, а в главе 3 «Преступления против семьи и несовершеннолетних». Это прямо указывает на основной объект охраны – интересы семьи и условия для нормального развития ребенка, а не абстрактные моральные устои. В этом контексте вовлечение ребенка в занятие проституцией родителем приобретает качественно иной смысл: речь идет не просто о сексуальной эксплуатации, а о разрушении тех социальных и семейных связей теми, кто должен обеспечивать защиту и безопасность несовершеннолетнего. А потому УК РК последовательно усиливает ответственность в зависимости от статуса виновного. Согласно пункту 2 части 4 ст. 134 УК РК, совершение преступления родителем, педагогом или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, влечет лишение свободы на срок от семи до двенадцати лет с конфискацией имущества и пожизненным лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Конфискация имущества направлена на устранение корыстной мотивации, лишая преступника материальной выгоды, полученной от эксплуатации ребенка. Пожизненный запрет на профессиональную деятельность служит цели специального предупреждения, навсегда исключая возможность злоупотребления доверительным статусом в будущем.

Уголовный кодекс Королевства Испания (далее – УК Испании), вступивший в силу 24 мая 1996 г.³⁰, демонстрирует другой подход ужесточения наказания за эксплуатацию детской проституции. Во-первых, законодатель разграничивает ответственность за вовлечение в занятие детской проституцией (ст. 187) и проституцией взрослых (ст. 188), устанавливая для первого случая более строгие санкции. Соответствующие нормы помещены в главу IV «Преступления, связанные с занятием проституцией» Раздела VIII «Преступления против половой свободы». Родство (*parentesco*) с потерпевшим признается особо отягчающим обстоятельством вовлечения несовершеннолетнего в занятие проституцией. В соответствии со статьей 187 содействие или принуждение к занятию проституцией, совершенные родителем или опекуном, лицом, обязанным заботиться о ребенке, означает существенное повышение верхнего предела лишения свободы. Во-вторых, УК Испании содержит самостоятельный состав за преступное попустительство – статью 192. В ней говорится, что родители, опекуны или лица, осуществляющие попечение над несовершеннолетним, которые, зная о том, что несовершеннолетний занимается проституцией, не примут всех зависящих от них мер для его прекращения, подлежат уголовной ответственности. Уголовный закон тем самым возлагает на родителей и воспитателей не только запрет вовлекать ребенка в занятие проституцией, но и позитивную обязанность активно вмешиваться и прекращать сексуальную эксплуатацию, если о ней им стало известно.

²⁹ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V (ред. от 16.09.2025) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» : [сайт]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 25.12.2025).

³⁰ Código Penal de España (Уголовный кодекс Республики Испания (ред. от 28.10.2025)) // Noticias Jurídicas : [website]. URL: http://noticias.juridicas.com/base_datos/Penal/lo10-1995.html (дата обращения 12.12.2025).

3 заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Уголовно-правовая охрана несовершеннолетних от вовлечения в занятия проституцией и сексуальной эксплуатации (сутенерство и извлечение дохода) близкими лицами и лицами, осуществляющими надзор за ними, в России прошла сложную эволюцию. Дореволюционное законодательство, в частности Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года³¹ (в редакциях 1866 и 1885 гг.), содержало четкие нормы со специальной ответственностью для родителей, опекунов и воспитателей, что свидетельствовало об осознании законодателем особой опасности злоупотребления доверием и зависимостью ребенка. В советский период, начиная с исключения названного квалифицирующего признака из проекта УК РСФСР 1922 г.³², сложилась традиция «правового умолчания» в отношении специального субъекта преступлений, связанных с проституцией, по признаку родства с несовершеннолетним потерпевшим. Этот подход был механически перенесен разработчиками и в Уголовный кодекс 1926 года, УК РСФСР 1960 года³³ и действующий Уголовный кодекс Российской Федерации³⁴.

2. Конструкция статей 240–241 УК РФ не содержит квалифицирующего признака специального субъекта, что создает внутреннее логическое противоречие в системе Особенной части УК РФ. Ведь в других составах преступлений, направленных на противодействие вовлечению детей в антиобщественную деятельность (ч. 2 ст. 150, ч. 3 ст. 151 УК РФ), совершение деяния родителем, педагогом или иным воспитателем признается обстоятельством, влекущим более строгую уголовную ответственность. Игнорирование этого же подхода в отношении более опасного, систематического и коммерциализированного деяния – сексуальной эксплуатации и содействия ей путем вовлечения и принуждения к занятию проституцией, пользуясь авторитетом и доверием ребенка – влияет на эффективность уголовно-правовой защиты детства.

3. Криминологические данные, включая результаты эмпирических исследований, материалы судебной практики и официальную статистику, подтверждают распространенность и качественную специфику преступлений, совершаемых специальными субъектами. Эти деяния характеризуются не эпизодичностью, а системностью, использованием полной зависимости ребенка-жертвы, глубоким травмированием, последствия которого носят тотально деструктивный характер, затрагивая все сферы его жизни.

4. Действующая редакция статьи 240 УК РФ не соответствует императивным обязательствам Российской Федерации, вытекающим из ратифицированных международных договоров. Конвенция о правах ребенка и особенно Лансаротская конвенция 2007 года³⁵ (ст. 19) требуют от государств-участников криминализировать извлечение выгоды из занятия проституцией ребенком лицом, пользующимся доверием. Отсутствие в национальном законе квалифицированного состава для таких случаев является неполной имплементацией международных стандартов.

5. Сравнительно-правовой анализ демонстрирует, что криминализация деяний специальных субъектов за содействие детской проституции является распространенной и эффективной законодательной практикой в современном мире. Уголовные кодексы многих государств содержат различные, но единые по своей сути модели, направленные на усиление ответственности за злоупотребление статусом родителя, опекуна или воспитателя, прочими отношениями зависимости, что соответствует логике международного права.

6. На основании синтеза полученных результатов и в целях реализации государственных приоритетов в сфере защиты детства, устранения внутренних противоречий УК РФ, приведения национального законодательства в соответствие с международными стандартами и обеспечения принципа социальной справедливости представляется научно обоснованным и практически необходимым внести соответствующие поправки в ст. 240 и 241 УК РФ. Предлагается проект изменений в УК РФ: ч. 3 ст. 240 УК РФ после слов «в отношении несовершеннолетнего» дополнить пунктом «в» следующего содержания: «в) родителем или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, а равно педагогическим работником или другим работником образовательной, медицинской, социальной организации, обязанным осуществлять надзор за несовершеннолетним»; ч. 2 ст. 241 УК РФ дополнить пунктом «г» в этой же редакции.

³¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. ...

³² Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153. Утратил силу.

³³ Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591. Утратил силу.

³⁴ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³⁵ СЗ РФ. 2014. № 7. Ст. 632.

Список источников

1. Худжаева Е. Н. Детская проституция: способ зарабатывания денег в условиях рынка или уголовно наказуемое деяние? / Право и рынок : материалы Всероссийской научной конференции / редкол.: В. Я. Музюкин (отв. ред.) [и др.]. Барнаул : Издательство Алтайского университета, 1994. С. 104–107.
2. История Древнего Востока: зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации / Дьяконов И. М., Афанасьева В. К., Массон В. М. [и др.] ; под ред И. М. Дьяконова. Москва : Наука, 1983. Ч. 1. Месопотамия. 534 с.
3. Tannahill R. Sex in history. New York : Stein and Day, 1980. 480 с.
4. Мяханова А. Н., Гунзынов Ж. П., Буинов Ю. Е. Современные и дореволюционные аспекты вовлечения несовершеннолетних в занятие проституцией в России (на примере Республики Бурятия) // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2022. № 1. С. 55–63. <https://doi.org/10.18101/2305-753X-2022-1-55-63>
5. Панов А. А. Сахалин, как колония : Очерки колонизации и современного положения Сахалина. Москва : Типография товарищества И. Д. Сытина, 1905. 234 с.
6. Хармаев Ю. В. Влияние ссылки и каторги на распространение криминальной субкультуры среди местного населения окраинных территорий Российской империи XIX века / Уголовная ответственность и наказание : материалы Международной научно-практической конференции, г. Рязань, 18 мая 2018 г. / под ред. В. Ф. Лапшина. Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. С. 239–245.
7. История советского уголовного права / Герцензон А. А., Грингауз Ш. С., Дурманов Н. Д., Исаев М. М. и [др.]. Москва : Юридическое издательство Министерства Юстиции СССР, 1948. 465 с.
8. Калужский Д. А. Детская проституция: проблемы правопонимания // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 5 (145). С. 257–259.
9. Царев Е. В. Вовлечение несовершеннолетнего в занятие проституцией: проблемы квалификации и технико-юридического конструирования нормы // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 4. С. 34–38.
10. Некоторые аспекты вовлечения несовершеннолетних в занятие проституцией по уголовному законодательству Китая и Монголии (сравнительно-правовой анализ с отдельными нормами законодательства России) / Синьков Д. В., Бальчиндоржиева О. Б., Мяханова А. Н., Цэнгэл С. Д. [и др.] // Baikal Research Journal : [сетевое издание]. 2022. Т. 13, № 4. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13\(4\).22](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13(4).22)
11. Алихаджиева И. С. О новых тенденциях современной секс-индустрии и ее криминологических рисках // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 4 (125). С. 160–173. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.125.4.160-173>.
12. Гилинский Я. И. Девиантность, преступность и социальный контроль в «новом мире» : сборник статей. Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2013. 347 с.
13. Коваленко В. И. Криминологические проблемы борьбы с торговлей людьми в Российской Федерации : монография. Москва : ВНИИ МВД России, 2011. 175 с.
14. Одинокова В. А., Ерицяк К. Ю., Русакова М. М., Усачева Н. М. Факторы вовлечения в проституцию в несовершеннолетнем возрасте: результаты эмпирического исследования взрослых женщин // Журнал исследований социальной политики. 2019. № 17 (2). С. 267–280. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-2-267-280>
15. Рыжов В. Б. Взаимодействие государств-участников Европейского Союза в борьбе с сексуальной эксплуатацией детей и детской порнографией // Международное право и международные организации. 2021. № 2. С. 77–91. <https://doi.org/10.7256/2454-0633.2021.2.35484>
16. Алихаджиева И. С. О понятии сексуальной эксплуатации в международном праве // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 10 (83). С. 159–167. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.83.10.159-167>

References

1. Hudzhaeva E. N. Detskaya prostituciya: sposob zarabatyvaniya deneg v usloviyah rynka ili ugolovno nakazuemoe deyanie? / Pravo i rynek : materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii / redkol.: V. Ya. Muzyukin (otv. red.) [i dr.]. Barnaul : Izdatel'stvo Altajskogo universiteta, 1994. S. 104–107.
2. Istoriya Drevnego Vostoka: zarozhdenie drevnejshih klassovyh obshchestv i pervye ochagi rabovladel'cheskoj civilizacii / D'yakonov I. M., Afanas'eva V. K., Masson V. M. [i dr.] ; pod red I. M. D'yakonova. Moskva : Nauka, 1983. Ch. 1: Mesopotamiya. 534 s.
3. Tannahill R. Sex in history. New York : Stein and Day, 1980. 480 p.
4. Myahanova A. N., Gunzynov Zh. P., Buinov Yu. E. Sovremennye i dorevolucionnyye aspekty вовлечения несовершеннолетних в занятие проституцией в России (на примере Республики Бурятия) // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya Vnutrennej Azii. 2022. № 1. S. 55–63. <https://doi.org/10.18101/2305-753X-2022-1-55-63>
5. Panov A. A. Sahalin, kak koloniya : Ocherki kolonizacii i sovremennogo polozheniya Sahalina. Moskva : Tipografiya tovarishchestva I. D. Sytina, 1905. 234 s.
6. Harmaev Yu. V. Vliyaniye ssylki i katorgi na rasprostraneniye kriminal'noj subkul'tury sredi mestnogo naseleniya okrainnyh territorij Rossijskoj imperii XIX veka / Ugolovnaya otvetstvennost' i nakazanie : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Ryazan', 18 maya 2018 g. / pod red. V. F. Lapshina. Ryazan' : Akademiya prava i upravleniya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2018. S. 239–245.
7. Istoriya sovetskogo ugovnogo prava / Gercenzon A. A., Gringauz Sh. S., Durmanov N. D., Isaev M. M. i [dr.]. Moskva : Yuridicheskoe izdatel'stvo Ministerstva Yusticii SSSR, 1948. 465 s.
8. Kaluzhskij D. A. Detskaya prostituciya: problemy pravoponimaniya // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2015. № 5 (145). S. 257–259.
9. Carev E. V. Vovlecheniye nesovershennoletnego v zanyatiye prostituciej: problemy kvalifikacii i tekhniko-yuridicheskogo konstruirovaniya normy // Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. 2015. № 4. S. 34–38.
10. Nekotorye aspekty вовлечения несовершеннолетних в занятие проституцией по уголовному законодательству Китая и Монголии (сравнительно-правовой анализ с отдельными нормами законодательства России) / Sin'kov D. V., Bal'chindorzhiyeva O. B., Myahanova A. N., Cengel S. D. [i dr.] // Baikal Research Journal : [setevoye izdanie]. 2022. T. 13, № 4. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13\(4\).22](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13(4).22)

11. Alihadzhieva I. S. O novyh tendetsiyah sovremennoj seks-industrii i ee kriminologicheskikh riskah // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2021. T. 16, № 4 (125). S. 160–173. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.125.4.160-173>.
12. Gilinskij Ya. I. Deviantnost', prestupnost' i social'nyj kontrol' v «novom mire» : sbornik statej. Sankt-Peterburg : Alef-Press, 2013. 347 s.
13. Kovalenko V. I. Kriminologicheskie problemy bor'by s torgovlej lyud'mi v Rossijskoj Federacii : monografiya. Moskva : VNII MVD Rossii, 2011. 175 s.
14. Odinokova V. A., Ericyan K. Yu., Rusakova M. M., Usacheva N. M. Faktory vovlecheniya v prostituciyu v nesovershennoletnem vozraste: rezul'taty empiricheskogo issledovaniya vzroslyh zhenshchin // Zhurnal issledovanij social'noj politiki. 2019. № 17 (2). S. 267–280. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-2-267-280>
15. Ryzhov V. B. Vzaimodejstvie gosudarstv-uchastnikov Evropejskogo Soyuza v bor'be s seksual'noj ekspluataciej detej i detskoj pornografiej // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii. 2021. № 2. S. 77–91. <https://doi.org/10.7256/2454-0633.2021.2.35484>
16. Alihadzhieva I. S. O ponyatii seksual'noj ekspluatacii v mezhdunarodnom prave // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2017. № 10 (83). S. 159–167. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.83.10.159-167>